

The background of the book cover is a photograph of a person with long dark hair, wearing a grey and white striped sweater, sitting at a wooden table. They are holding an open book. In the foreground, there is a white ceramic cup and a closed book with a green cover. The scene is dimly lit, creating a cozy, autumnal atmosphere.

18+ ПЯД СЕРЫМ
ОЗЕРОМ
ОГНИ

Женевский квартет. Осень.

ЕВГЕНИЯ ЛУГОВАЯ

Евгения Луговая
Над серым озером огни.
Женевский квартет. Осень

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521468
ISBN 9785449600264*

Аннотация

Ева переехала в Женеву вместе с одиночеством – оно давно стало ее тенью. Она везде чувствует себя лишней, пока не встречает друзей в университетском киноклубе. С ними она снова оживает. Они называют себя «Обществом мертвых поэтов»: их жизни мистическим образом перекликаются с сюжетами просмотренных кинофильмов и прочитанных книг. Но кто они на самом деле? Эстеты и интеллектуалы, которых ждет большое будущее, или просто представители еще одного потерянного поколения?

Содержание

«Три цвета: синий» Кшиштоф Кесльевский	7
«Три цвета: белый» Кшиштоф Кесльевский	31
«Три цвета: красный» Кшиштоф Кесльевский	55
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Над серым озером огни Женевский квартет. Осень

Евгения Луговая

*Средь мертвых коротаю дни:
Могильной чужды тьмы,
Вокруг меня всегда они —
Ушедшие умы;
И дружелюбен с давних пор
Наш ежедневный разговор.*

*Их мысли, чувства, радость, боль
Я знаю — и могу
Понять и оценить, паскаль
Пред ними я в долгу.
И плакать, без ненужных слов,
От благодарности готов.*

*Средь мертвых мудрецов живу —
Из образов и фраз
Встает былое наяву
Всяк день, за разом раз.
И всяк полученный урок
Идет уму живому впрок.*

*О, всех на свете смерть берет,
И смерти не минуть.*

*Увы, придет и мой черед
Загробный править путь...
Но мыслю, и моя строка
Возможет пережить века.*
Роберт Саути

Фотограф Марат Хамитов
Модель для обложки Ангелина Лобанова

© Евгения Луговая, 2020

© Марат Хамитов, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4496-0026-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Встань! Оторвись от книг, мой друг!
К чему бесплодное томленье?
Взгляни внимательней вокруг,
Не то тебя состарит чтение!

Вот солнце над громадой гор
Вослед полуденному зною
Зеленый залило простор
Вечерней нежной желтизною.

Как сладко иволга поет!

Спешి внимать ей! пенье птицы
Мне больше мудрости дает,
Чем эти скучные страницы.

Послушать проповедь дрозда
Ступай в зеленую обитель!
Там просветишься без труда:
Природа – лучший твой учитель.

Богатство чудное свое
Она дарует нам с любовью.
И в откровениях ее
Веселье дышит и здоровье.

Тебе о сущности добра
И человечьем назначенье
Расскажут вешние ветра,
А не мудреные ученья.

Ведь наш безжизненный язык,
Наш разум в суете напрасной
Природы искажают лик,
Разъяв на части мир прекрасный.

Искусств не надо и наук.
В стремленье к подлинному знанью
Ты сердце научи, мой друг,
Вниманию и пониманию.

Уильям Вордсворт

«Три цвета: синий» Кшиштоф Кесльевский¹

*Я сломил эту ветку вереска
Видишь, Осень мертва опять
Нам уже никогда не встретиться
Запах времени, ветка вереска
Только помни, что буду ждать
Гийом Аполлинер*

Все началось с запаха мокрой сентябрьской земли. Ночью шел дождь: он бесцеремонно стучался в окна, а ветер, вступив в заговор с ливнем, раскидал повсюду первые опадающие листья, прилепив их ко влажным дорожкам, как детские аппликации.

Это тихое осеннее утро, сулящее огромные перемены в жизни Евы, сепией отпечаталось в ее сознании. Умытая сентябрьским дождем аллея, уродливые, но величественные платаны, грифельное небо, неизменно равнодушное к происходящему внизу. Крики носящихся вокруг детей, запах жареных каштанов, навевающий воспоминания о маленьких ларьках на берегу грязно-серой Сены.

Она сидела на скамейке в парке Бастионов, когда к ней подсел старик в болотно-зеленом плаще с засаленными се-

¹ Художественный фильм (1993)

дыми волосами.

– Все изменится, – сказал он с чудовищным балканским акцентом.

Пока она успела осознать, что обращался он именно к ней, старик встал и ковыляющей походкой направился к выходу из парка. Около черных кованых ворот еще раз обернулся и послал ей шутливый воздушный поцелуй.

Она расценила это как пророчество, импровизированное цыганское гадание. То, что все уже изменилось, было очевидно. Впереди лежал долгий неизведанный путь, а она даже не была уверена, что готова к нему.

Ева не ожидала, что первый учебный день в университете, да еще и в чужой стране, должен быть легким, но почему так тяжело? Почему отчаянно хочется домой, в ее пока еще не обжитую, но уже такую родную квартиру на улице Флориссан? Почему так не терпится забраться под пухлое одеяло и целый год не выбираться из своего маленького убежища?

Мама сказала бы, что подобное желание свидетельствует о зарождающейся депрессии, она всегда любила ставить однозначные диагнозы. Но по мнению Евы, в лежании в постели было куда больше смысла, чем в учебе на юридическом факультете. В каком-то смысле это тоже школа жизни. Философия дзена: лежи и не двигайся, пока мир вокруг сходит с ума.

Первая и главная проблема ее жизни была стара, как мир. Конфликт отцов и детей, достигающий поистине тургенев-

ского масштаба. Сложившаяся ситуация полностью повторяла сюжеты жалобных писем, которые подростки пишут в умные толстые журналы или выпаливают, звоня на горячую линию психологической поддержки: родители заставляют меня заниматься тем, что меня не интересует! Что мне делать?

И вот, уставшие престарелые мужчины в роговых очках, меньше всего в жизни желающие решать чужие проблемы и, вполне возможно, сами еще живущие с родителями, отвечают на эти письма что-то вроде: «Возможно, вашим родным виднее, что для вас лучше, но никогда не поздно следовать своей мечте». А дальше подпись – мистер Лак² или миссис Пейшнс³, что-то в духе христианского воскресного кружка, где даже имена наставников должны быть говорящими и вдохновляющими.

Следуй мечте. Слова, произносимые настолько часто, что уже потеряли смысл, затерлись, как задники балеток из дешевого магазина. Даже если бы Ева следовала своей мечте, к чему бы это привело? Где гарантия, что, исполнив свое самое заветное желание, она все еще будет этого хотеть? Иногда ей казалось, что быть искусственно лишенной своей мечты куда легче, чем трудиться, бороться и разочаровываться, встав на путь ее исполнения. Ты можешь перекладывать на чужие плечи ответственность за то, что твоя жизнь сложилась не так, как ты хотел, хотя она могла не сложиться

² Удача (англ.)

³ Терпение (англ.)

и в любом другом случае. К тому же выглядело это вынужденное лишение трагичнее, поэтичнее, значительнее — как сюжет греческой трагедии или абсурдистской пьесы вроде «В ожидании Годо»⁴, которую смогут оценить лишь избранные.

Ева всегда любила говорить всем о том, что знает толк в страданиях, что она умеет грустить со вкусом. Она с детства научилась наслаждаться сладко-мучительной меланхолией, будь то щекочущая боль неразделенной влюбленности или парадоксально согревающая жалость к себе. Она гордилась даже когда сломала ногу и целый месяц передвигалась на костылях, как герой, пришедший с войны. Ей нравилось быть недооцененной, лишенной чего-то, мысленно выходить из своего тела и наблюдать за собой извне, как за актрисой на сцене, спрятанной где-то внутри головы. Она играла для самой себя, но и одновременно для каждого, кто случайно мог ее увидеть. И делала это вполне искренне, потому что отвергала всяческие проявления искусственности как в других, так и в самой себе.

Еве всегда хотелось узнать, как она выглядит со стороны, когда сидит в кафе и задумчиво читает книгу, или когда едет в автобусе, пораженная видом за окном, горами в дымке или подернутым солнечным светом озером. Видят ли прохожие то, что происходит у нее внутри, пытаются ли заглянуть в глубину, понять, что она не такая, как они, или наоборот

⁴ Пьеса Сэмюэля Беккета

такая же – и потому так страстно ждущая оценки, одобрения, знака внимания? Ей хотелось нравиться всем, но в то же время она презирала конформизм, так что иногда протест против него становился новой его формой.

Она жила в Женеве всего восемь месяцев, но уже успела привыкнуть к успокаивающей безликости города, его добродушному равнодушию. К тому, что здесь говорят на сотне языков, и ты никогда не выглядишь белой вороной: никому не приходит в голову смеяться над твоим акцентом, потому что он есть практически у каждого, как пара ушей или право на жизнь. К отсутствию зимней сказки: за всю зиму снег выпадал всего дважды и мгновенно таял. К тому, что работу Женевского фонтана невозможно предсказать – иногда он вздымается в небо белой иглой, прорывая пелену дождя, а в солнечные и тихие дни остается безмолвным, как немой музыкант на Риве⁵, которому она всегда подавала несколько сантимов.

Он даже не играл – лишь брнчал что-то бессмысленное на гитаре, разглядывая мир косыми глазами, но Ева всегда испытывала к нему жалость. Она очень переживала, когда он вдруг исчез на несколько недель, уже успела представить себе все самое ужасное. Но потом увидела его у вокзала и успокоилась – видимо, ему просто надоело играть на одном и том же месте.

Она привыкла к налетающему время от времени цикло-

⁵ Самая оживленная улица Женевы

ну по имени Зверь, который приносил с собой сбивающий с ног ветер, сносил шляпы с голов и иногда даже валил деревья. К мгновениям острого внезапного счастья при виде шапки Монблана вдали, тронутой жемчужно-розовым предзакатным светом. К тому, каким интересом загораются глаза собеседника, когда она говорит, что приехала из России. Только тут она поняла, что никакой неприязни к русским и в помине не было, хотя вся российская пресса настраивала на обратное.

Вечерние прогулки к озеру успокаивали Еву, тем более до него было всего пятнадцать минут пешком. Это расстояние казалось смехотворным, если сравнивать его с московскими. Там даже дорога до ближайшей станции метро занимала больше времени.

Она рассматривала обвешанные гирляндами огоньков яхты, пришвартованные у берега, фотографировала изогнутых в танце лебедей и не могла насытиться воздухом, насыщенным солью, которой в пресной воде быть не могло. Как озеро может пахнуть океаном? Но если закрыть глаза, можно было представить себе, что берегов не видно, а вода бесконечна, как звездно-черная мантия космоса.

Если идти вправо, можно было дойти до пляжа Паки, песок которого летом устилали сотни разноцветных полотенец, до парка «Perle du lac»⁶ с мощными, как друиды соснами, и богатого района, расположенного на небольшом возвыше-

⁶ Жемчужина озера (фр)

нии – Колони. Если же перейти мост, соединяющий две части города, по пути будут один за другим расстилаться прибрежные парки, прокаты лодок и яхт, дорогие рестораны. Всего лишь два варианта – недостаточно даже для надписи на развилочном камне в русской сказке, но первое время ей этого было достаточно.

Синяя гладь озера навевала ей сразу три литературные ассоциации. Первая касалась легенды о том, как здесь во время лодочной прогулки чуть не утонул Байрон, спасенный своим другом Перси Шелли, хотя тот очень боялся воды. Впрочем, спаситель ненадолго получил отсрочку и утонул несколько лет спустя, словно ему на роду было писано умереть в воде. Некоторые исследователи даже полагали, что именно из-за насмешки не оценившего самоотверженность друга Байрона, Шелли отправился на маленькой яхте в шторм ночью на прогулку по Женевскому озеру и утонул. Выловлен он был рыбаками, опутанный сетью и изрядно изъеденный рыбами, только спустя неделю.

Вторая – о том, что у того же самого озера, правда в самом его конце, на берегу Монтре – мекки любителей джаза – когда-то творил Набоков. Ева очень хотела как-нибудь съездить туда на поезде и постоять около его памятника, установленного напротив отеля, в котором он жил, попросить у него вдохновения. Она прочитала «Лолиту» в одиннадцать лет и даже не пожалела об этом.

А еще о незабываемых моментах у голубых женевских вод

в живописном Веве акварельно писала в своем единственном романе печально известная жена Фицджеральда – Зельда. Ее талант остался незамеченным на фоне успехов мужа. Вальс так и не спас ее⁷. Она пропала в пожаре, охватившем психическую лечебницу, не успев дописать второй роман.

Старый город сразу покори́л Еву – время в нем будто навсегда замедлило свой ход. Когда она первый раз преодолела крутой подъем, поднимаясь с самой оживленной жене́вской улицы Рив, ее порази́л контраст серых средневековых зданий с нестерпимо синим небом, которое она мысленно окрестила древним. Ведь небо всегда было одно и то же, менялись только люди, живущие под ним. Она останавливалась у каждой вывески – со скрещенными ключами, петухами или вазочками с мороженым, заглядывала в окна кафе с устаревшими и потому очаровательными деталями интерьеров вроде цветочных обоев или деревянных перегородок.

Она замирала, когда звучали колокола, словно их звук доходил до нее сквозь века из пропахшей дымом средневековой Европы. Он приносил с собой дыхание старых дворцовых площадей, стук конских копыт и шелест пышных платьев. Она зашла в собор святого Петра и убедилась, что протестантские церкви не так аскетичны, как она думала. Чего стоили одни только витражи с рубиново-сапфировыми прожилками, высокий неф, вызывающий желание вдохнуть глубже, спящий в глубине собора орган, раздувающий меха

⁷ Аллюзия на название романа Зельды – «Спаси меня, вальс»

только во время праздников.

Ева полюбила свою съемную квартиру с низкими потолками на втором этаже и окнами, выходящими не на живописный Салев⁸, озеро или хотя бы парковый массив, а на прозаичную заправку, рассекающую ночь зелено-красными огоньками с поистине хопперовским⁹ размахом одиночества. Заправка как стеклянный аквариум его «Ночного кафе», в котором не найдешь дверей, если присмотреться к картине. Она привыкла, что в ее стране на заправке обязательно надо заплатить человеку на кассе, что обеспечивает контакт – здесь же общение было сведено к минимуму, обезличено до уровня автомата, одновременно принимающего деньги, выдающего чек и собственноручно заполняющего бак.

Поначалу она пыталась сидеть с книгой на балконе вечерами, но любоваться было нечем, к тому же больно били по ушам клаксоны машин и оглушительный скрежет шин об асфальт. Работы по прокладке бесшумного дорожного покрытия начались задолго до ее приезда, но никак не могли закончиться и, казалось, вообще не двигались с места. Это составляло контраст с мгновенной скоростью строительства московских домов – там они вырастали целыми кластерами, как грибы после слепого дождя.

Здесь она впервые узнала пряный запах травки – ее сосе-

⁸ Гора, расположенная на границе Швейцарии с Францией

⁹ Американский художник, который писал картины, пронизанные одиночеством

ди ежедневно курили перед сном, и тогда зеленые волны марихуаны невольно заползали в ее сны через окно. В одном из таких снов мужчина в тюрбане посреди пустыни дал ей волшебную сигару, исполняющую желания, и только потом Ева поняла, что у сигары был вполне реальный запах каннабиса.

Тут же первый раз в жизни она увидела проститутку в со-сисочной пленке блестящих платьев, одиноко прогуливающих под мостом недалеко от Национального музея. Многие из них были толстыми и приземистыми. Ее удивило, что и травка, и проституция в Швейцарии легализованы. Она даже согласилась, что так лучше: если какие-то особенности человеческой природы не искоренить, лучше уж контролировать качество услуг и следить за тем, чтобы люди не навредили себе еще больше.

Она слышала, что в Национальном музее выставлены даже полотна Ван Гога, но не сразу нашла их, потому что искала, что-то яркое и особенное и не поняла, что надо восхищаться тускло-синим полотном с бледной вазой неопределенной формы только потому, что она вышла из-под кисти знаменитого голландца. То же самое было с блекло-зеленым водоворотом цветов с подписью Мане. Ей куда больше понравились пейзажи неизвестных швейцарских художников, изображавших сценки из жизни горных крестьян, работающих, мечтающих или дерущихся на фоне могущественных Альп. В этом было что-то трогательное, простое и настоя-

щее, лишенное авангардистской шелухи. После этих полотен даже не хотелось заходить в последний зал, посвященный Малевичу и его последователям.

Прелесть цветочных часов на набережной в Английском саду тоже сначала показалась ей преувеличенной – клумба в виде часов, что в ней особенного? Она видела гораздо более красивые цветочные часы весной на Поклонной горе в Москве. Она не могла понять, почему вокруг них постоянно толклись группы китайских и арабских туристов. И только спустя время догадалась, что восхищение вызывали работающие стрелки, показывающие настоящее время.

В Швейцарии торговали временем, уезжающим вместе с туристами за циферблатом новеньких часов. Оно стало визитной карточкой страны, ее основным символом. Как шоколад в красной упаковке или ожерелье квадратных банок цвета слоновой кости, рассыпанное по берегу. Страшно было подумать, какое богатство со всего мира в них хранится, как слепо богатые люди из всех уголков света доверяют этому нейтральному, неприметному государству свои сокровища.

В первые недели, обосновавшись в квартире, она ходила в кафе в доме напротив. Им заправляла маленькая шустрая японка, похожая на ребенка. Еве нравилось, что она никогда не задавала вопросов. При этом казалось, что японка все знает, все понимает, что ей открылись какие-то тайники мудрости, пока недоступные ей самой. Поэтому она дол-

го ходила к ней, ела пересушенные сэндвичи и безвкусные салаты в пластиковых упаковках, хотя в центре было немало кафе, где меню было разнообразнее. Просто ей хотелось как-то поддержать японку, она казалась такой одинокой. Почти такой же одинокой, как она сама. Как пели The Beatles про несчастную Элеонор Ригби и похоронившего ее не менее несчастного священника – «All the lonely people, where do they all belong?»¹⁰ Поэтому одинокие люди должны держаться вместе, даже если они не способны друг друга излечить.

По той же причине она часто покупала продукты в частном магазине около дома, болтая с толстым и добродушным кассиром-иранцем, часто спрашивающим ее об учебе или досуге. Пару раз ей показалось, что он пытался обсчитать ее, но она списала это на невнимательность. Хотелось думать о людях лучше, чем они есть.

Она обрадовалась, наткнувшись однажды в переплетении улиц на магазин русских продуктов с трогательным названием «Березка». Витрину украшали матрешки и посуда под хохлому, чтобы иностранцы, проходящие мимо точно поняли, с кем имеют дело. С тех пор она покупала там чуть зачерствелые тульские пряники, овсяное печенье, топленое молоко и складировала афишки о русских мероприятиях в Женеве, которые ей подсовывал застенчивый продавец. Кажется, он пытался с ней познакомиться, но делал это слишком уж робко.

¹⁰ Все одинокие люди, где их место? (англ.)

Там же стоял стеллаж с книгами на русском языке, которые приносили постоянные покупатели. В основном бульварное чтиво и женские романы, но иногда там можно было найти что-то по-настоящему ценное, вроде мятого засаленного томика повестей Леонида Андреева или «Волхва» в смешной старомодной обложке.

Несколько месяцев она занималась только языковыми курсами – надо было довести французский до нужного для университета уровня. Занятия вел лысый молодой мужчина с черными глазами-жуками, француз до мозга костей – болтливый, эмоциональный, эксцентричный, он часто по доброму посмеивался над англичанами и никогда не упускал возможности напомнить о том, что французы никаких слов из английского не заимствуют принципиально. Многие темы, разбираемые на уроке почему-то в конечном итоге приводили его к англичанам. Говорил он горячо, быстро, путано, чуть ли не плюясь в особенно волнительные моменты.

Он считал себя большим эрудитом, потому что знал всего понемногу и разбирал с ними широкий спектр тем: от популяции медведей в канадских лесах до строительства ракет. Иногда, в качестве десерта, в конце учебного дня ставил им фильмы в оригинале, но Еве казалось, что никто, кроме него не понимал, что происходит на экране: французские актеры тараторили так быстро, что непонятно было, как их понимают сами французы.

Компания на курсах подобралась разношерстная – люди

из разных стран, разного возраста, разного социального положения. Сирийцы, боливийцы, вьетнамцы, улыбчивый парень со Шри-Ланки и заикающаяся девушка из Эфиопии. Было и трое русских, и все почему-то актеры или модели, влюбленные в себя. Они приехали из городов, названий которых она до сих пор не слышала, и мечтали покорить женевские подмостки. Впрочем, пока вся их карьера ограничивалась ролями Деда Мороза и Снегурочки на русских корпоративах.

Ева почти ни с кем не общалась, потому что во время перерыва обычно доставала из сумки книжку. Лишь иногда отвечала на вопросы одноклассников о России, обычно все те же: а у вас холодно? А ты была в Сибири? Что ты думаешь о вашем президенте? В какой-то момент ей надоело развенчивать их романтичные и жестокие представления о том, что Россия – это в первую очередь Сибирь, даже если там почти никто из русских не бывал. Поэтому она стала кивать, соглашаясь с любыми, даже самыми нелепыми предположениями, лишь бы не пришлось продолжать разговор. Ей больше нравилось, когда спрашивали что-то о русской культуре: упоминали Достоевского, Булгакова, Чайковского или Стравинского. В такие моменты она чувствовала гордость за то, что родилась в той же стране, что все эти талантливые люди.

В тщетных попытках устроить личную жизнь, она пару раз сходила на свидание с застенчивым парнем из Туниса. Однако он так странно шепелявил и так настойчиво пытался

положить руку ей на коленку в темном зале кинотеатра, что она поспешила прекратить это общение, а потом и вовсе отсела от него на курсах. После этого он так грозно смотрел на нее, будто она, как минимум, отвергла его руку и сердце после десяти лет трепетных отношений.

Ева сдала международный языковой экзамен в мае (ей попался вдохновляющий топик о пылесосах) и обрела полную свободу длиною в месяц. Она решила не распорядиться ей как-то по-особенному и продолжала жить так же: ходила в кафе с книжкой, ездила на незнакомых автобусах, идущих в поля, смотрела по два фильма подряд, часто звонила маме, каталась по набережной на взятом напрокат голубом велосипеде, распугивая прохожих, сидела у озера, кормя избалованных лебедей остатками булочки. Несмотря на насыщенную культурную программу, невозможно было понять, где начинается один день и заканчивается предыдущий – она привыкла ложиться под утро, а вставать после полудня. Образ жизни, достойный вампира.

Праздность утомляла. Ева не любила долго слоняться без дела – так в ее голове освобождалось слишком много пространства для непрошенных мыслей, для дотошного анализа себя и окружающих, для препарирования каждого своего намерения. Однажды ночью, листая каналы, она наткнулась на французский фильм с Жюльетт Бинош, переживающей трагедию, ведущую к перерождению. Тогда она поняла, насколько многозначительным может быть цвет, его тени и от-

тенки, что многое может излечить музыка, как и любой другой вид искусства, в ее случае – литература. После этого, когда ее накрывала волна меланхолии, она всегда окрашивала ее в синий, добавляя белые барашки ностальгии – и в потоке свободного времени сложнее было остановить надвигающиеся цунами грусти.

Поэтому начало учебного года – пусть даже не такого, как она мечтала – было для нее благом, а не проклятием, сбивающим с истинного пути. Все всегда говорили ей, что университетские годы – самые лучшие, правда, толком не объясняли почему. Возможно, это звон ушедшей юности окрашивал воспоминания в обманчиво розовый цвет. Пришло время проверить это утверждение на практике.

Она окончательно осознала, где находится, когда подошла к стене Реформации¹¹ и ощутила на себе взгляд каменных изваяний – Кальвина и других трех мужчин, имен которых никто обычно не знал. От статуй веяло чем-то древним, книжным, могущественным – как от университетских романов, которые она так любила. Вдоль стены, по обе стороны от статуи был выгравирован девиз – *Post Tenebras Lux*. Латынь всегда добавляла словам веса.

– После мрака свет, – внезапно раздалось за ее плечом.

Ева обернулась и увидела светловолосого парня в наглухо застегнутом черном пальто, преступно теплом для такого, почти августовского по температуре дня. Он держал в руке

¹¹ Памятник из статуй и барельефов

какую-то книгу в темно-синем переплете, но она не успела разглядеть названия.

Она судорожно думала, что бы ему ответить, но он тут же ушел, сдержанно улыбнувшись ей. Она успела разглядеть, как парень скрылся в дверях серого каменного здания, от которого буквально пахло литературой. Пахло тем, что ей здесь учить не предстояло. Тем, о чем ей предстояло забыть, закопавшись в другие бездушные фолианты, проповедующие право, к которому она никогда не чувствовала ни малейшей тяги.

Ни этот сквер, прилегающий к кампусу, ни эта аллея, усыпанная золотистыми листьями, на самом деле не имели отношения к факультету, на котором ей суждено было учиться. Ее пребывание здесь сегодня утром было маленьким спектаклем для одного зрителя. У нее было полчаса в запасе и она решила быстро пройти по зданию, чтобы с неотвратимой ясностью понять, чего лишилась. Она взбежала по высокой лестнице и толкнула тяжелую дверь. Вошла в гулкий холл, посмотрела на стены цвета горького шоколада, на скрипучие ореховые лестницы, навевающие мысли о школе волшебства. Натертый до блеска паркет пахнул мылом и чистящими средствами с лавандовой отдушкой. В центре коридора стоял каменный бюст, тихо журчал фонтанчик. Даже люди здесь казались другими – одухотворёнными и свободными. Хотя она допускала, что приукрашивает действительность из любви к обобщениям.

Юристы же учились в самом новом и потому самом некрасивом здании в десяти минутах ходьбы отсюда. Ева направилась к нему через слишком огромное для такого маленького города плато площади Планпале, мимо сезонного парка аттракционов, приезжающего в Женеву всего два раза в году, и чувствовала, как с каждой минутой слабеет, отдаляясь от своего места силы. Она хотела быть Эмори Блейном¹², прячущимся с книжкой в коричнево-скрипящих университетских коридорах, а стала одной из шестисот букашек, наводнивших огромный зал с уходящими вверх рядами парт для приветственной лекции. «В таком нагромождении лиц и тел совершенно невозможно выделиться, обрести собственный голос» – думала она.

Она решила не проталкиваться поближе, чтобы не тревожить людей и не привлекать к себе излишнего внимания. Огляделась вокруг, рассматривая тех, с кем ей предстояло учиться. Справа переминался с ноги на ногу веснушчатый парень, похожий на гнома, и видно было, что ему тоже не по себе, а с другой стороны щебетала стайка китаянок. Еву смутно нервировал приглушенный гул голосов, зудящий как рой охочих до меда пчел, волны жара и возбуждения, исходящие от незнакомцев, а также то, что никто не пытался с ней познакомиться. Никто ей ничего не должен, но все же...

Она почти никогда не делала этого первой, потому что

¹² Главный герой романа Ф.С Фицджеральда «По эту сторону рая»

не знала как, боялась показаться неуместной, навязчивой. Диалог с новым знакомым напоминал ей сложную шахматную партию, все ходы которой надо было продумать заранее, чтобы тебе не поставили шах и мат. Разговор как поединок, как необходимость защищаться от вторжения в личное пространство, миссия доказать, что ты стоишь того, чтобы тратить на тебя время. Первый разговор – почти всегда как не отрепетированная пантомима: разыгрываешь маленький спектакль, бросаясь общепринятыми фразами, стараясь нащупать хотя бы малейшие точки соприкосновения, которые находятся далеко не всегда. А новый знакомый мысленно ставит тебе оценку, как судьи фигуристам после выступления.

– Ты что, глухая? Можно пройти? – грубо спросил какой-то парень в накинутах на голову капюшоне, и от его тона и осязаемого толчка в бок ей захотелось расплакаться, хотя она понимала, что повод ничтожно мал. С таким уровнем стрессоустойчивости выбор профессии, на освоение которой предстоит потратить больше шести лет жизни, казался еще более неразумным. Люди, защищающие права других, должны сначала научиться защищать свои. Есть люди, которые выдержат все, что пошлет им судьба, а других может придавить даже нагадившая на плечо божья коровка.

Ева с удивлением заметила, что многие ребята здороваются друг с другом как старые знакомые, будто им не надо преодолевать первые барьеры узнавания. А может быть

они просто проще относились ко всему новому. Почти каждый, на кого она смотрела, уже улыбался кому-то, похлопывал по плечу, подзывал к себе. Ей не хватило места за партами, так что пришлось стоять в неудобной позе целый час, пока профессор, лица которого она не разглядела издали, объяснял в чем будет состоять суть их работы. Она завидовала тем, кто слушал с интересом, с каким она могла бы слушать про колониальную прозу или зарождение символизма в русской поэзии. Она видела, что они предвкушают долгий и интересный путь к интересующей их профессии. В конце презентации им раздали пухлые буклеты с расписаниями занятий, каникул и подробностями проведения экзаменов. Конечно же, она ни с кем не познакомилась.

Выйдя из душной аудитории, она долго смотрела на высокий стеклянный свод потолка, преломляющий солнечные лучи, на большие розовые буквы с названием университета у входа и старалась понять, что же она все-таки тут делает, и чем это может кончиться. Мимо плыли бесконечные реки галдящих студентов. Они, как воробьи на жердочках, сидели на гигантских ступенях, имитирующих амфитеатр, и толпились около приветственных стендов, призывающих вступить в различные студенческие организации. «Спасем планету», «Защитим женщин от домогательств», «Курсы психологической помощи».

«Как много они на себя берут» – подумала Ева, теряясь в разнообразии предложений. Она увидела плакат «Ассоциа-

ции студентов права» и тут же ускорила шаг, спасаясь от приближающейся к ней девушки с заученной улыбкой и кипой листовок в руках. На сегодня хватит с нее права. Оно теперь у нее будет вместо завтрака, обеда и ужина.

По винтовой лестнице она поднялась в библиотеку, занимающую целый этаж. Побродила по ней и с разочарованием поняла, что все секции посвящены учебной литературе. Однотонные издания учебников и словарей по психологии, социологии, переводу и, конечно, юриспруденции. Нечего было и мечтать найти здесь что-то художественное. Она попала в тесные рамки правил, исключающих полет воображения.

По всему зданию беспрепятственно летали воробы: они сидели на пустых столах и перилах лестниц, заманивая своих собратьев веселым чириканьем. «Посмотрите, эти глупые люди должны тратить свои жизни на учебу и работу, они сидят на одном месте годами и десятилетиями – а мы можем летать», – ехидничали они.

Она поднялась на лифте на последний этаж и посмотрела вниз, в освещенный солнцем атриум. На белых стенах радужным геометричным спектром лежали солнечные тени, проникающие сквозь цветные стекла. Интересно, совершал ли кто-нибудь самоубийство, прыгая отсюда? Что-то вроде парижского синдрома, которым страдают японцы, только про учебу: пришел, увидел не то, что ожидал и не вынес этого. Если сброситься, можно сбить собой стенд с приветственными канаве, и столько еды пропадет зря.

Возможно, виной всему было плохое настроение, но все прохожие, которых она видела по пути домой – на улице, в автобусе, подъезде – сегодня казались ей скользкими и неприятными. Черты их лиц казались чрезмерными, как в фотообъективе с увеличенной резкостью. Ее злило то, как они смеются, как двигают руками и ногами, как громко разговаривают. Страшила мысль о том, скольких еще людей ей придется мимолетно увидеть до конца своей жизни и неосознанно разместить на перфокарте памяти, чтобы потом в каком-нибудь из снов они пришли в качестве незнакомцев. Неужели пространства памяти бесконечны и не могут однажды кончиться? Разве ее толстые дубовые полки не могут просесть под грузом ненужных мелких подробностей и обрывков нелепых фактов?

Дома Ева налила себе бокал розового прованского вина, которое в отличие от всего остального, тут стоило меньше, чем в России. Она позволяла себе бокал-другой, когда плохо себя чувствовала, хотя знала, что родители были бы в ужасе от ее новой привычки. Сказали бы, что неожиданная свобода портит неокрепшие умы.

И это они еще не знали о том, как она однажды выкурила целую пачку сигарет – «Давидофф» с ментолом в мятной упаковке. Даже не могла затянуться, потому что больно обжигало горло, но пыталась красиво держать сигарету в руке, подражая героиням кино. Как Холли Голайтли¹³ или хо-

¹³ Героиня новеллы «Завтрак у Тиффани» Трумена Капоте

тя бы Роза из «Титаника». Ее пленял оранжевый огонек, загорающийся в ночи и осыпающийся по ветру пепел. К счастью, после того как закончилась пачка, у нее пропало желание повторять этот неудачный эксперимент. Маленький запоздалый протест завершился победой авторитетов и здравого смысла.

Теперь она бросилась на небесно-голубой диван и набрала телефон матери. Долго рассказывала ей о своих чувствах, о злключениях дня, в котором на самом деле ничего не произошло, что и было печальней всего; о том, как сильно они ошиблись, отправив дочь на этот чужой ей факультет.

– Ты справишься, тебе просто надо втянуться, на это нужно время, – мягко говорила мама, и Ева верила ей, научившись этому с детства. Но даже корифеям свойственно ошибаться...

– А если нет? – протянула она с детской интонацией.

– Вот и посмотрим, – подытожила мама, и Еве в который раз показалось, что она стала подопытным кроликом в каком-то жестоком эксперименте, что она как бурлак на Волге тянет обоз необходимости соответствовать их ожиданиям.

Перед сном она перечитывала последние главы романа Фицджеральда «По эту сторону рая», в которых герой сокрушался, что знает себя, но и только. В то же время средневековый поэт Франсуа Вийон говорил о том, что «знает все, но только не себя». Ева долго думала, какая версия больше подходит ей самой, но в конечном итоге решила, что не знает

вообще ничего. Ничего кроме того, как прекрасно наконец коснуться головой подушки и погрузиться в блаженное состояние забвения. Если смерть похожа на сон, стоит ли нам так ее бояться? Разве есть что-то прекраснее сна? Она давно поняла, что нет. Завершение каждого дня было ее любимым моментом суток.

Правда, этой ночью ей мучительно долго не удавалось заснуть. Ее окутало то неприятное состояние между сном и явью, когда уже не веришь, что когда-либо сможешь уснуть. Она лежала на спине, рассматривая полосы света на потолке, слушала мелодию скрипящих об асфальт шин, в тщетном поиске лазейки, способной провести ее в спасительный мир сновидений.

Она не любила переворачиваться на живот, потому что так отчетливо заявляло о себе биение сердца, и она испытывала странный иррациональный страх, что если долго к нему прислушиваться, оно может остановиться назло ей. В голове навязчиво крутилась мысль о том, что одна из ночей ее жизни, жизни каждого из нас, обязательно станет последней — и никому не дано знать какая именно.

«Три цвета: белый» Кшиштоф Кесльевский¹⁴

*Иногда я достаю паспорт,
смотрю на свою фотографию
(так себе, вообще-то)
лишь бы увидеть, что существую.
Ричард Бротиган*

Если лучшим занятием в жизни Ева считала сон, то самым болезненным для нее было просыпаться рано. Она никогда не могла лечь раньше часа ночи накануне, поэтому вставая в семь утра, неизменно чувствовала себя разбитой. Она никак не могла понять, как другие всю жизнь живут в таком режиме, большую часть жизни жертвуя сладким полуденным сном по рецепту Обломова. И все это ради, зачистую не приносящей радости или хотя бы удовлетворения, учебы или работы. Серыми и даже солнечными утрами, отрывая голову от подушки, первые полчаса она ненавидела весь мир. У нее появились мешки под глазами и утренняя боль в затылке.

Началась череда дней-близнецов, сменяющих друг друга, как выцветшие рисунки в калейдоскопе. Покинув преступно прекрасные чертоги квартиры, Ева садилась в автобус,

¹⁴ Художественный фильм (1994)

полный грустных, невыспавшихся людей, и доезжала до вокзала, где надо было сделать пересадку. С жалостью наблюдала за бездомными и сумасшедшими (нигде она не видела столько сумасшедших, как в Женеве), оккупировавшими заваленные окурками скамейки, невольно вдыхая вездесущий сладковатый запах травки. В университете брала чуть теплый кофе в бумажном стаканчике из автомата и занимала место в аудитории – если оно, конечно, было. Иногда приходилось сидеть на лестнице в проходе между рядами – после этого всегда болела спина. В конце занятия на то, чтобы выбраться из зала через узкие двери в медленно плывущей толпе из шестисот людей, уходило несколько утомительных минут, украденных у пятнадцатиминутного перерыва.

Слушать профессоров было сложно: она путалась в понятиях и значениях, в бурном потоке чужого языка, раскатистых «р» и носовых «ан», в силлогизмах и *complexes de faits*¹⁵, римских терминах и сухой терминологии уголовного права. Ей казалось, что эту многомерную, неподатливую информацию на них вываливают слишком рано – для этого нужна была какая-то база, которой у нее не было, зато, очевидно, была у других. Уже на второй неделе занятий им давали многофазные сложные случаи, на решение которых требовалось полтора часа семинара: от них требовалось максимально глубокое погружение в каждую из шести дисциплин, хотя любая из них сама по себе была фундаменталь-

¹⁵ Комплекс фактов (фр.)

ной. На качественное изучение хотя бы одной из них могли уйти годы.

Она наконец поняла, почему студенты так приветливо встречали друг друга в начале года – половина из них пришла сюда во второй раз, не справившись с экзаменами в конце прошлого года. Об этом говорили вскользь, намеками, отчего вопрос экзаменов казался запретной территорией, на которую никто не любил вступать. Поговаривали, что больше половины учащихся ежегодно не могут преодолеть нужный рубеж. А кто-то и вовсе навсегда вылетает из университета.

Уголовное право нравилось ей меньше всего. Занятия вел сухой, пожилой профессор с непроизносимым немецким именем. Он казался роботом, неспособным менять интонацию, растянуть непоколебимую линию рта в некое подобие улыбки. Речь его звучала монотонно, усыпляюще – таким голосом впору было читать панихиду. Сама дисциплина состояла из сложнейшей сети правил, таблиц, формул, которые надо было применять к отдельно взятым преступлениям. Им выдали пять разных таблиц со столбиками обозначений и сказали, что все их надо уметь тщательно различать, иначе ошибка может стоить всех баллов. Для того, чтобы ответить на простой вопрос, требовалось проанализировать бесчисленное количество пунктов и оформить все непременно так, как того хотел профессор. Структура и порядок как самоцель. Еве сложно было часами сидеть над во-

просом о том, как должны судить А за то, что он переступил порог дома В, используя С в состоянии D. Она с радостью бы почитала описание преступления, художественно описанного в книге, как в «Хладнокровном убийстве» Капоте например, но рассуждать о нем с точки зрения правосудия было откровенно скучно.

Похожую реакцию у Евы вызывало конституционное право. Она еще со времен школы путалась в задачах и функциях разных ветвей права, зазубривала распределение представителей законодательной и исполнительной власти, не вполне понимая, что и зачем они делают. Она плавала в классификациях референдумов и инициатив, как в водах средиземного моря – только в последнем она вроде не тонула. Вечерами со вздохом открывала тяжеленный синий учебник, которым запросто можно было нанести черепно-мозговую травму, за что надо было бы судить по 122 статье швейцарского уголовного кодекса, и тут же закрывала его, впадая в панику при виде муравейника мелких французских букв, складывающихся в сухие, лишённые плоти скелеты фраз.

Чуть лучше дело обстояло с семейным правом. Оно было ближе к реальной жизни, к самой сути отношений между людьми, не меняющейся на протяжении всей истории человечества: бракам, разводам, опеке над детьми, защите личности. Рыжеволосая робкая учительница, слишком молодая для должности профессора, показывала им интересные случаи, используя известных персонажей кино или книг в ка-

честве протагонистов. Ева не думала, что многие способны расшифровать эти аллюзии, но ей было приятно, что и в законе есть место реминисценциям. Если бы ей пришлось прямо сейчас определиться с будущей специализацией, ее выбор пал бы именно на семейное право. Но она слишком хорошо понимала, что если она выберет это направление, ее быстро утомят чужие разводы, рождения и смерти, споры об опеке над детьми и дразги о делении наследства. По уши погрузившись в грязь человеческой жизни, уже нельзя отмыться.

Студенты больше всего любили уроки Виктора Монье, посвящающего их в историю права. От визиготов с острогота-ми до наших дней через свитки информации, которая вполне могла оказаться ложной, потому что никто не в силах был проверить ее подлинность. В отличие от других, он не использовал микрофон, чтобы достучаться до шести сотен студентов: его голос был достаточно громким и раскатистым, чтобы проникнуть в уши каждого. Он был единственным профессором, который мог обратиться к тебе лично и даже спросить как тебя зовут, уплотнив твой вес. Еве было обидно, что в силу языковых проблем, она не могла понять и половины его шуток, в то время как по залу прокатывалась волна понимающих смешков.

В университете гораздо больше чувствовалась разница между ней, взявшейся за французский сравнительно недавно, и теми, кто говорил на нем с детства. Они не думали перед тем, как что-то сказать, воспринимали информа-

цию в чистом виде, не нуждаясь в переводе отдельных фраз и идиом. На языковых курсах все были равны, не так страшно было ошибиться, выбрать неправильный артикль, перепутать род или аксан, но на факультете права оказалось гораздо меньше иностранцев, чем она ожидала. И почти совсем не было русских, с которыми можно было бы на секунду перенестись домой, посмеяться над чем-то одинаковым, нырнуть в удобные воды игры слов или местных шуток. Порой она чувствовала себя героем второй части трилогии Кесльевского «Три цвета: белый», чужого и растерянного в фейерверке парижской жизни, нелепого и жалкого в лучах красоты молодой французской жены, расправляющего крылья только под спасительным небом родины. Может родина – это ответ на все вопросы? Или сдаваться рано?

Неожиданно для самой себя Ева увлеклась римским правом. Аудитории оставались полупустыми, многие говорили, что профессор не может увлечь никого своим предметом, бубня что-то малопонятное себе под нос и рисуя на доске чудные змейки понятий и слов на латыни, но ей интересно было узнать, с чего все началось. Как люди, жившие несколько тысяч лет назад, могли придумать систему, использующуюся до сих пор, как они могли достичь такой ступени развития за века до возникновения гуманного и толерантного общества, не говоря уж о технологиях и достижениях науки. Им открывались другие порталы, щедро раздающие знания, они предвидели большинство правовых ситуаций, в которых лю-

ди оказываются и по сей день. В горчично-желтом учебнике, автором которого кстати был сам профессор, она подчеркивала розовым маркером отрывки глав о передаче собственности, *mantipacio*¹⁶, вербальных и письменных контрактах и правах рабов, и будто переносилась в древний Рим, в Константинополь, пылающий алым солнцем.

Семинары мало чем отличались от лекций: учеников разделили на три группы, якобы для улучшения качества восприятия информации, но среди двухсот человек было так же легко затеряться. Вместо того, чтобы спрашивать их, давать им какие-нибудь тесты или работы, проверяющие знания, преподаватели подробно рассказывали, как надо было сделать домашнее задание. Многие пристрастились ничего не делать дома и потом бездумно записывать выложенное на блюде решение, которое ни на минуту не приближало к пониманию предмета. Обучение было рассчитано на самодисциплину, самостоятельную работу, продолжающуюся за стенами университета, но мало кто обладал подобной силой воли.

По крайней мере она не обладала, хотя раньше считала себя довольно усидчивой. Годы беспечной, но успешной учебы в московской школе внушили ей иллюзию о том, что если ты умный, можно особенно не стараться, потому что всегда можно выехать на общей эрудиции, разобраться с любыми

¹⁶ Формальная передача или приобретение в собственность, т. е. юридически оформленная купля или продажа

заданиями ситуативно, с наскоку. Здесь же такая модель поведения оказалась бесполезной.

Она заметила, что среди учащихся есть еще более странные и нелюдимые, чем она сама, персонажи. Несколько раз на уголовном праве она сидела с девочкой, которая рисовала животных в синем скетчбуке. Она никогда не следила за темой семинара, не поднимала головы от рисунка и прерывалась только чтобы заточить очередной карандаш. Ева смотрела, как под ее беспокойной рукой на листах оживают розовые кролики с грустными глазами, целые семьи радужных жирафов и толстые кольца змей с серебряной чешуей. Наверное, она тоже не пошла в художественный, потому что родители сказали ей, что это несерьезно, бесперспективно. Как ей самой сказали, что «какой-нибудь учитель» семье точно не поможет, а писать она может и занимаясь любым другим делом. Еве казалось, что у девушки талант, что он бьет изнутри, как источник святой воды из случайно найденной скважины. Давить его как беспомощного муравья казалось преступлением, для которого еще не придумали статьи в уголовном кодексе.

Еще один раз во время сонной утренней лекции по конституционному праву один пухлый китаец на заднем ряду поднял руку, чтобы спросить о чем-то учителя.

– Я люблю пиво! – воскликнул он радостно, заразительно засмеялся и выбежал из аудитории.

Ева потом слышала от кого-то, что он был пьян. По какой

еще причине человек может быть радостным в восемь утра? Впрочем, она была рада, что хоть кому-то весело и что кто-то еще знает, чего по-настоящему хочет от жизни.

Она сама честно старалась следить за тем, что говорили профессора. Брала ручку, тетрадь в клетку с красивой обложкой, чтобы вдохновляло писать в ней; заставляла себя вникать, разбирать, спрашивать, если упускает мысль, но решимость стать хорошей ученицей таяла после первых двадцати минут, ручка незаметно выпадала из рук, и Ева уносилась в другие миры. Вспоминала прошлое, мечтала о будущем, писала внезапно катапультирующие мозг стихи на обрывках учебных распечаток, на страницах учебников или завалявшихся в сумке салфетках, украдкой прочитывала пару строчек книги, а потом не могла остановиться до конца главы. Одна строчка была для нее пряничной крошкой, ведущей к дому самой могущественной колдуньи – литературы.

После она обвиняла себя в рассеянности, слабоволии, но в то же время с каким-то затаенным самодовольством считала себя диковинной перелетной птицей, чуждой обывательской организованности и рутинной механической зубрежки. Жалко только, что птицам и животным, куда сложнее добиться успеха на экзаменах – а именно эти результаты и являлись мерилom успеха в том единственном мире, что был ей предложен.

Когда они с мамой жили вместе, та часто ловила ее с книжкой во время подготовки к урокам и экзаменам и про-

сила дочь стать серьезней – будто путешествия по книжным вселенным делали ее лентяйкой, не думающей о собственном будущем.

– Но ты ведь сама всегда много читала! – вяло оправдывалась Ева.

– Верно, но училась еще больше, – парировала мама, – следующие несколько лет тебе бы лучше вообще ничего не читать, кроме учебников и ни о чем, кроме учебы не думать.

Едва ли на свете были более жестокие просьбы. Даже китайские и японские пытки казались ей пустяком по сравнению с этим советом. И это они называли лучшим временем жизни?...

Зато ей нравились редкие вечерние лекции в другом университетском корпусе – с наступлением сумерек все казалось осмысленнее и загадочнее, даже тон голоса лектора сам собой становился мягче, словно он понимал, что не стоит слишком утомлять студентов всей этой чепухой. Так приятно было выходить после в расцвеченную огоньками ночь, видеть возвращающихся с работы людей, улыбающихся собственным планам, и понимать, что скоро можно будет прийти домой, прочесть пару глав хорошей книжки и коснуться головой спасительной кувшинки подушки.

После дневных занятий она сидела в университетском кафетерии, стены которого почему-то украшали репродукции

картин Марка Ротко¹⁷, но быстро поняла, что ежедневный рис или макароны с плохо прожаренными котлетами втридорога ее мало прельщают. К тому же, ей было грустно смотреть на смеющиеся компании, сдвигающие к столу больше стульев, чем помещалось, в то время как за ее столиком для четверых было три лишних.

Приятной альтернативой столовой стало тихое кафе у вечно закрытой церкви, где можно было уткнуться в книгу и утопить свою неприкаянность в розовой чашке кофе со сливками. Размеренность ритуалов успокаивала – поэтому она не уставала подолгу ходить в одно и то же место. Она любила сидеть там и рассматривать людей, ловить обрывки их разговоров, вникать в странные отношения между ними, домысливать концовки разворачивающихся вокруг историй. Несмотря на свою любовь к чтению, в общественных местах, она почти никогда не погружалась в книгу полностью, без остатка, всегда оставаясь немного на поверхности, страшась пропустить что-нибудь важное, впитывая все оттенки, веяния, звуки и смыслы, витающие вокруг. Иногда от этого даже болела голова – слишком много надо было вместить, а потом расфасовать по внутренним полочкам, пометив необходимыми ярлыками, как баночки с вареньем в серванте.

Самым ярким впечатлением сентября для Евы стали стихи Эдгара По, отвечающие меланхоличным настроениям ранней осени, особенно «Ворон» в бесподобном переводе

¹⁷ Американский художник, представитель абстрактного экспрессионизма

Зенкевича. Ее поразила магическая закольцованность поэмы, похожей на змею, пожирающую свой хвост, этот мелодичный напев, совершенная по своей форме тоска об ушедшем, об умершей возлюбленной и надвигающейся смерти. «Тьма – и больше ничего» – написала она на форзаце одного из учебников, и каждое слово этой фразы казалось ей бесподобной конфетой с пьяной вишней, прямо растекающейся во рту. И «Nevermore»¹⁸, рассекающее воздух, как тяжеленный колокол дворцовую тьму.

Она любила неожиданно выхватывать из текста фразы, цитаты или эпитафии дробиком попадающие в мишень ее сердца. Это случалось реже, чем хотелось бы, но в такие моменты ей казалось, что автор оставил послание именно для нее, будто знал, что она когда-то это прочтет и все поймет. Она верила в непостижимую связь времен.

В то же время она открыла для себя повесть Жоржа Роденбаха «Мертвый Брюгге», столь же притягательную в своей мрачности, как стихи По. В ней ее любимый Брюгге, такой сказочный пряничный город в реальной жизни, напоминал больную скрученную старуху, тщетно пытающуюся согреть пальцы у камина. Он стал пропитанной ядом декорацией, в которой медленно сходит с ума герой с невыносимо поэтичным именем – Гюг Виан. Да и сама проза Роденбаха – чистой воды поэзия символизма, совершенный в своей простоте декаданс, ужасное и прекрасное одновременно гниение

¹⁸ Никогда больше! (англ.)

красоты. Повесть короткая и лаконичная, но в ней спрессовано столько безысходности и отчаяния, что *memento mori*¹⁹ перестает быть отвлеченной грустной фразой, разрастаясь сонмом ужасных смыслов и откровений. Мы все умрем. Ничто в жизни не имеет смысла. Посмотри в эти черные воды и умри еще при жизни.

Как ни странно, мрачные книги скорее вдохновляли ее, чем угнетали. Она брала книгу в библиотеке, в которую недавно записалась, и потом ужасно не хотела отдавать. Пыталась найти ее на книжных развалах или на полках книжных магазинов, но продавцы всегда разводили руками и говорили, что Роденбаха у них точно нет, словно его имя предали анафеме. Тогда она подумала, как много хороших писателей затерялось в складках истории, потесненные более удачливыми коллегами, новенькие переиздания которых теснились на полках магазинов. И почему одним всегда везет больше, чем другим?

Главной формой медитации для нее стали автобусы. Большие, чистые и прохладные, как энергетические капсулы из фильмов про будущее – они словно погружали в безвременье, отвлекали от суеты ежеминутно сменяющимся спектаклем прекрасного за окнами, галереей умиротворяющих видов: автобус номер А возил ее в чудесную деревушку Кард'Амон, прячущуюся под склоном; 33 приглашал затеряться в полях мертвых подсолнухов и засыхающих виноград-

¹⁹ Помни о смерти (лат.)

ников, над которыми сновали мифические вороны. Выйдя на одной из остановок маршрута Z, она увидела железное тело снижающегося самолета, летевшего совсем низко и подумала о всех тех людях, что в данную секунду летят в тысячу разных направлений, и никто из них не знает точно, что их ждет. В Женеве даже можно было найти автобус, следующий *au bout du monde*²⁰. Польстившись на такое поэтичное название, она ожидала увидеть что-то невообразимое, но приехала в хромированно-металлические тенета индустриального района, пропахшие горьким дымом октября. «Символично», – решила она тогда.

Ева слушала любимые песни и пейзажи, отрывки чужих случайно увиденных жизней, капли дождя или преломленные веером лучи солнца вплетались в музыку, становясь одной большой таблеткой успокоительного, отпущенной по ее собственному рецепту. Не факт, что он подошел бы другим.

Посещая очередную швейцарскую деревушку, Ева любила рассматривать домики, отдыхая в ореоле их пасторальности. Подходила совсем близко, слушала звуки старенького радио или неуверенные трели пианино, терзаемого ребенком; дребезжание тарелок, призрачные звуки поцелуев, супружеские ссоры. Размышляла: смогла ли бы она жить так, наедине с природой, не требуя ничего взамен? Тихие вечера в семейном кругу, прогулки по колено в полевых цветах, редкие поездки к родственникам на тарахтящей машине, вос-

²⁰ На край земли (фр.)

кресные мессы в тихой церквушке, где всех вокруг знаешь. Роскошь знать все наперед и не мечтать о большем.

Она невольно сравнивала это с ритмом большого города, в котором прожила большую часть своей жизни, и приходила к закономерному выводу о том, что во всем нужен баланс. В каком-то смысле Женева идеально отвечала этому требованию: вроде бы город, даже если маленький, но окруженный лабиринтом природных богатств – в любую секунду можно сбежать, променять камень на траву. Но иногда так не хватает привычного московского шума, оживленной суеты, пестрого метро, разнообразных кафе на каждом шагу, сотни кинотеатров, в которых можно посмотреть что угодно в любое время суток. В Женеве было всего несколько кинотеатров и обычно она не могла отказать себе в удовольствии тут же посмотреть все интересующие ее новинки, и следующие несколько недель приходилось копить на новые, испытывая духовное и вполне материальное чувство голода.

Иногда Ева прогуливала занятия, терзаясь угрызениями совести. Забывала об обязательствах, проваливаясь в кроличью нору развлечений. Она чувствовала себя инфантильной героиней одного из романов Саган²¹ (кажется, это было «Любите ли вы Брамса?»), которая говорила любимому, что уходит на работу, а сама до вечера бесцельно слонялась по городу, рассматривала витрины, читала в кафе, курила одну сигарету за другой. Мучилась от своей бесполезности, от пре-

²¹ Французская писательница 20-го века

бывания в болоте праздности, но не могла найти в себе силы стать такой же ответственной, как все вокруг – с их стабильной работой, жадной менять мир к лучшему и меняться самому. Некоторые из нас до самой смерти остаются капризными детьми.

Однажды перед лекцией по конституционному праву (они проходили фундаментальные права человека, и Ева интересовалась, значится ли там право учить то, что нравится тебе) с ней познакомилась маленькая улыбчивая девушка, посчитавшая, что русские – это почти что сербы. Она любезно ввела Еву в свою компанию – женоподобный парень из кантона Юра, грубоватая немка из Унтервальда, щебе-чущая о поп-музыке француженка с модным каре и тихий блондин франко-американского происхождения, у которого, как оказалось, умер отец, а недавно тяжело заболела мама.

Еве было до боли жалко его, она не представляла себе, как на фоне такой трагедии, он находит в себе силы учиться. Но для него остервенелая зубрежка, записи ручкой, стремительно порхающей по странице, наоборот были главным лекарством, иллюзорным способом уйти из этой реальности. В такие моменты Ева казалась себе самовлюбленной актрисой, раздувающей страдания из ничего, в то время как других людей рядом с ней гложут термиты по-настоящему серьезных проблем.

Через некоторое время она поняла, что его матери стало хуже: он перестал посещать лекции, бросил университет,

и так их осталось пятеро – число, которое ничего особенного не обозначает и не фигурирует ни в каких сказках.

Она стала садиться вместе с ними на лекциях, обмениваться конспектами (вернее было бы сказать, что все они давали конспекты ей, за что она также часто испытывала неловкость), готовиться к семинарам в библиотеке, нещадно нагретой солнцем, проникающим сквозь ромбовидные окна, обедать вместе, гулять по центру Женевы, устраивать рейд по модным магазинам. С ними она впервые в своей жизни посетила бар – забитое битком помещение с мистическим названием «Кракен»²² и изрисованными этим морским чудовищем, пугающим пиратов, стенами. Она тянула горький фирменный коктейль с кальвадосом и пыталась разговаривать с ними, перекрикивая музыку. Они наконец спрашивали о чем-то личном: о любви, ее жизни в Москве, ее восприятии Женевы. После этого вечера даже ненадолго ожила иллюзия возможности единения, но ее продолжительность оказалась меньше срока годности йогурта.

Ева не чувствовала удовлетворения – она нашла компанию, но не ту, о которой мечтала. Они постоянно звали ее куда-то после лекций, но она часто придумывала отговорки, чтобы заняться своими делами. «Мне надо убраться дома», «Я еще не доделала уголовное право», «У меня что-то разболелся живот» и сотни других причин. Рядом с ними она

²² Легендарное мифическое морское чудовище гигантских размеров, головоногий моллюск, известный по описаниям исландских моряков

часто скучала, но успокаивала себя тем, что лучше плохая компания, чем несуществующая. Их интересы расходились, как питерские мосты в белые ночи. Она даже составила краткий (и исчерпывающий) перечень тем, которые затрагивали новые знакомые в беседах в университетской столовой. Они говорили:

1) о разнице французской и немецкой части Швейцарии,

2) о том, как смешно немцы говорят по-французски, французы по-немецки, а англичане на всех языках, кроме английского,

3) об ущемлении прав сексуальных меньшинств, ущемлении прав женщин, сексизме, шовинизме, домогательствах (по этому поводу в университете даже проводились многочисленные акции, ужасно утомляющие Еву),

4) о политике, референдумах и новых инициативах (как будто мало было конституционного права),

5) о шутках над другими кантонами,

6) и снова о разнице французской и немецкой части Швейцарии.

В разгар таких разговоров, когда они спорили с пеной у рта, называли себя феминистами и борцами за свободу, Ева остро чувствовала себя лишней. Однажды они спросили почему она не вступает в беседу и сидит с таким скучающим видом. В ответ она ясно дала понять, что это не вдохновляет и не интересует ее так же, как их. Тогда они спросили,

что же вдохновляет ее, и ничего из перечисленного, в свою очередь, не вызвало отклик у них. Наверное, все в ту минуту подумали про себя, что же тогда она забыла рядом с ними. А она и сама не знала.

Один раз француз пришел в университет с сияющим, как вычищенная кастрюля, лицом. Сказал, что у него для них невероятная новость, которую он сообщит после лекции. Даже Еву заразил нетерпением. Что же такого с ним могло произойти? Может, влюбился?

– Вы готовы? – спросил он их, как детей, ожидающих новогодних подарков. – Угадайте, кого я встретил в поезде.

– Нашего профессора по уголовке? – нахмурилась немка.

– Чарли Чаплина? – хихикнула француженка.

– Он же вроде умер, – не поняла юмора немка.

– Королеву Англии? – внесла свою лепту Ева.

– Нет! Сенатора федерального совета кантона Юра! – округлил глаза француз.

Честно говоря, она не поняла, что в этом такого интересного, но они все наперебой стали расспрашивать его о том, как тот выглядел, говорил и осмелился ли он обратиться к столь важной персоне. А потом углубились в обсуждение нового акта о защите прав курильщиков, одобренного этим политиком. Ева вздохнула и под шумок достала из сумки роман Стейнбека. Никто не заметил ее отстраненности.

Излюбленной темой сэрбки, которая свела их вместе, была тысяча и один способ преуспеть на экзамене. Она быст-

ро обрастала знакомствами, в поисках выгоды и пользы, безошибочным рентгеновским лучом выбирая самых нужных людей, которые могли подсказать ей откуда взять запрещенные материалы, как сконструировать шпаргалки, у кого можно купить ответы на прошлогодние тесты, часть которых использовалась и в этом году; где можно встретить Виктора Монье, чтобы запомниться ему. Она пробовала было заговорщическим тоном в темной раздевалке поделиться своими алхимическими знаниями с Евой, но той почему-то становилось противно от такого неумного рвения воспользоваться всем, что встречается на пути. Она предпочитала проигрывать честно, анализируя мир сквозь свои собственные ошибки, как дурак в русской поговорке.

А иногда они, напротив, не находили никаких тем для общения, и тогда неловкую тишину во время совместного обеда прерывал лишь звон вилок о тарелки. Молчание при наличии шести человек за столом казалось Еве безнадежным признанием несостоятельности их дружбы. Она всегда и со всеми могла найти о чем поговорить, если уж вступала в реку разговора, но в данном случае даже не пыталась расшевелить ребят, зная, что это не поможет, и вскоре на них снова опустится чума безмолвия.

– Почему ты вообще пошла учить право? – спросил ее однажды француз. – Ты же его совсем не любишь.

Все они, в отличие от Евы, сознательно выбрали юридический. У них были большие планы на будущее – адвокат-

ская карьера, конституционный суд, интернациональные отношения. Они считали, что трудности в изучении специальности только мотивируют двигаться дальше. Им доставляло удовольствие карабкаться по этой шаткой лестнице, чувствовать себя полезными обществу, которое нуждалось в регулировке законом, чтобы не окунуться в хаос. Чувствовали себя атлантами, подпирающими небо.

Этот ужасный разговор всегда проходил по одному и тому же сценарию.

– Что изучаешь? – спрашивал новый знакомый.

– Право, – отвечала она.

– Ого! Нравится?

– Не то чтобы очень.

– Но зачем ты тогда его выбрала?

– Так хотели мои родители.

– Но ты разве не можешь решать сама?

– Так вышло, – просто ответила она французу и в этот раз, потому что у нее все внутри сжималось от бессилия, когда речь в сотый раз заходила об этом.

Сколько раз она зачем-то говорила правду, признавалась, что все это ей совсем не нравится, а потом не знала, как за нее оправдываться, как объяснить, что не все так просто, как может показаться, что люди далеко не всегда могут делать то, что хотят. Что иногда приходится плюнуть на мечту, потому что она не принесет дохода. Пора было научиться врать, чтобы отныне каждый спрашивающий тут же верил,

что она без ума от права и спит в обнимку с конституцией. Непонятно было обиделись они или нет, но общение стало постепенно сходить на нет. Нельзя сказать, чтобы она сильно расстроилась. Ева продолжала сидеть с ними, чтобы не быть совсем одной, иногда обедать вместе, но попытки сблизиться духовно прекратила. Ей стало казаться, что во всем городе нет ни одного человека, близкого ей по духу – появлялись даже нелепые мысли о помещении объявления или анкеты для знакомства в газету. На войне, в любви и дружбе ведь все средства хороши? Она ощущала себя героиней рассказа Йейтса²³ из сборника «Одиннадцать видов одиночества», только ее вид был двенадцатым, потому что ни одно одиночество не похоже на другое.

Тогда она записалась на хор, выступающий а капелла²⁴. Прошла прослушивание в гулкой аудитории, услышала комплименты в честь своего «настоящего мощного русского голоса», получила целую папку партитур, которые надо было выучить до новогоднего концерта. Большинство из них на латыни, но было что-то и на французском, английском и немецком. Репетиции проходили раз в неделю, половина участников давно достигла пенсионного возраста. Ей снова не удалось ни с кем сблизиться. Вершиной общения стали едкие замечания в адрес верещащих сопрано, которыми она обменивалась с альтами. На ноте «фа» они звучали как

²³ Ричард Йейтс – американский писатель

²⁴ Без музыкального сопровождения (итал.)

кошки, которым наступили на хвост. Несколько раз после репетиций она ходила до остановки с немногословной англичанкой, французский которой было почти невозможно разобрать – им нужен был один и тот же автобус. После она специально стала задерживаться, чтобы не пришлось снова ехать с ней, мучительно выдумывая темы для разговора.

«Может быть, я из тех людей, кто лучше чувствует себя в гордом одиночестве?» – спрашивала она, рассматривая себя в зеркало. Может она сама отталкивала людей своей смутной к ним неприязнью? Несколько раз в жизни ей говорили, что она выглядит высокомерной. Но она видела совершенно обычную девушку с головой и туловищем, ничего потустороннего, никакой игры в элитарность. Homo sapiens, которому нужны ему подобные, чтобы чувствовать себя живым.

В начале октября она наткнулась на объявление, еле заметное в ворохе своих собратьев по доске – листовок, рекламирующих индийские танцы, пивной фестиваль или сдающиеся квартиры. Ее внимание привлекли цвета-антагонисты: алый и фиолетовый, враждующие, но странно притягательные. Посередине изображение девушки, выдувающей розовый пузырь жвачки и список фильмов под ней. Странно, но выглядела она скорее задумчиво, чем глупо.

Ева догадалась, что это была реклама университетского киноклуба, расписание кинопоказов на осень. Цикл назывался витиевато и многозначительно: «Les commandements

du hasard»²⁵. Ее сердце забилося быстрее, когда она прочла название заглавного фильма – «Три цвета: красный». Что это, если не знак? Знак о знаке, целый лабиринт случаев, приведший ее в этот ранний октябрьский час к этому красно-фиолетовому плакату с именем режиссера, фильмы которого мистическим образом попадались ей по телевизору. А она до этого ведь даже не знала, как его зовут.

– Кшиштоф Кесльевский, – задумчиво произнесла она вслух, пробуя его имя на вкус, как сладкую ягоду черники.

А потом набрала номер, указанный в левом нижнем углу плаката. Она должна стать членом этого киноклуба. И почему она не узнала о нем раньше? Река давно могла течь по другому руслу, впадая в бескрайнее море.

²⁵ Заповеди случая (фр.)

«Три цвета: красный» Кшиштоф Кесльевский²⁶

...О верю, верю, счастье есть!

Еще и солнце не погасло.

Заря молитвенником красным

Пророчит благостную весть.

О верю, верю, счастье есть...

Сергей Есенин

В коридоре тонко пахло зеленым чаем и апельсином. На стенах висели пробковые доски с объявлениями о культурных мероприятиях, в углу пестрел буклетами стенд, похожий на вешалку для зонтиков. Ева робко присела на край стула у кабинета директора киноклуба и взяла со столика журнал с рецензиями на фильмы предстоящего киноцикла все с той же актрисой, с розовым пузырем жвачки на обложке.

В глаза тут же бросилась серьезность и основательность, с которыми были написаны статьи. Она осознала, что не поймет всех метафор, отсылок и аллюзий без словаря или дополнительной критической литературы. В первый раз ей в голову закралась мысль о том, что учеба на филологическом факультете, возможно, потребовала бы даже больше усилий

²⁶ Художественный фильм (1994)

и языковых навыков, чем юриспруденция. Она даже не была уверена, что справилась бы. Трудности обучения вполне могли подавить живой и, возможно, пока лишь дилетантский интерес. Когда проникаешь в мастерскую, где создается чудо, проводишь пальцами по шестеренкам механизмов и сочленений, оно перестает тебя удивлять.

Открылась дверь, обрывая поток ее размышлений, и Ева увидела неожиданно молодого мужчину в небрежно накинутом на плечи пиджаке свинцового цвета. Ей казалось, что главным всегда должен быть кто-то пожилой, поживший, повидавший всякого, поэтому она не смогла скрыть удивления. Он улыбнулся ей до того мягко и кинематографично, в его глазах блеснуло что-то настолько васильковое, что она решила, что могла бы тут же на месте немножко в него влюбиться. Она питала слабость к поспешным реакциям, возведенным в абсолют.

– Проходите, – сказал он, придерживая дверь.

В его кабинете стояла приятная прохлада, из окна виднелся монументальный кремовый торт здания филологического факультета, в застекленных шкафах теснились толстые фолианты: несколько томов по истории кино, энциклопедии, сборники критических статей и даже пара художественных книг. Ева тут же расположилась к нему еще больше: книги, которые читал человек, были для нее как определяющие его личность досье. Если перефразировать поговорку о друзьях: «Суди о человеке по тому, что он читает».

Он предложил ей чай, но она отказалась – подумала, что может обжечься или пролить его на себя, показаться ему слишком неловкой и неуклюжей. Во рту пересохло, как бывает перед экзаменом или визитом к стоматологу.

– Кристоф, – представился он. – Я говорил с вами по телефону. Итак, вы хотели бы стать членом нашего клуба? Он имеет многолетнюю историю.

– Вот как? – сказала она, лишь бы что-то сказать.

– Сами посмотрите.

Он достал с полки толстый альбом в благородной бордовой обложке и дал ей полистать. С черно-белых, а потом уже цветных фотографий на нее смотрели улыбающиеся студенты, пойманные во времени то на крыльце университетского здания, то в пещере кинозала. На застывшем лице каждого второго из них лежала печать недюжинного ума. Они казались по-настоящему интересными людьми. Вот так просто вступить в их ряды показалось ей незаслуженной привилегией.

– Как же вы узнали о нас? – спросил Кристоф, когда она вернула ему альбом. – К нам давно никто не приходил, мы даже шутим, что нас проклинали.

– Увидела афишу и тут же подумала, что это именно то, что я искала, – улыбнулась Ева.

Или ей только показалось, что она смогла улыбнуться. Возможно, это больше походило на гримасу боли. Никогда нельзя точно узнать как выглядишь со стороны.

– Значит, вы тоже хотели бы писать? – он мягко поправил рукой прядь каштановых волос, упавших на лоб, и Ева почувствовала какое-то тепло в груди. А потом смысл его слов дошел до нее, и она испуганно переспросила:

– В смысле? Я просто хотела спросить, как получить возможность смотреть фильмы вместе со всеми. Я думала, это что-то вроде закрытого клуба. Все смотрят, обсуждают, спорят...

– Ах, значит вы не так поняли, – серебристо рассмеялся Кристоф, – посмотреть фильм может любой желающий, как в обычном кинотеатре. А члены киноклуба пишут рецензии, афиши, учреждают новые циклы, проводят голосования и делают множество других, не менее увлекательных вещей. Вас это интересует? Хотели бы писать статьи?

– Я не уверена, что обладаю достаточным уровнем языка, чтобы...

– О, это не так важно, я всегда могу подкорректировать грамматические ошибки и орфографию. Главное, донести мысль, – пояснил он. – Вы, наверное, видели буклеты с рецензиями в коридоре? Так вот, требуется что-то подобное.

– Да, я когда-то писала рецензии на фильмы, но это было на русском... – промямлила она.

– Вот видите, значит у вас есть опыт. Кстати, недавно у нас был цикл русского кино, – он словно подыскивал аргументы, способные сразить наповал.

Еве было неловко сказать ему, что она всего лишь хоте-

ла смотреть хорошее кино, что у нее недостаточно свободного времени, что она, в конце концов, боится ответственности и едва ли сможет соответствовать уровню издания, но от Кристофа исходила такая уверенность, он излучал прямо-таки книжное, врожденное обаяние... Так что как и много раз в жизни, она согласилась на что-то лишь для того, чтобы не обижать человека или не обманывать его ожиданий, хотя в глубине души четко осознавала, что этому красиво-му мужчине, в общем-то, все равно вступит она в их синемфильские ряды или нет. Она была уверена, что он разговаривает так с каждой женщиной, а может даже и мужчиной, встречающимся ему на пути, что общение с ним создает для собеседника иллюзию избранности, ощущение теплого солнечного света на щеке, тем самым провоцируя его на неожиданные поступки.

Так она попала в университетский киноклуб.

Во всем был виноват случай – возможно, лишь первый из череды многих, обещанных афишей. Как часто многое в нашей жизни решает именно он? Пропущенный звонок, поезд, ушедший на несколько минут раньше; машина, резко выехавшая из-за угла; чье-то послание на салфетке, встречи, которых могло не быть; знаки, чуть не оставшиеся без внимания.

Ева сидела на скамейке в парке Бастионов, жмурилась от расплавленного золота предвечернего солнца, ощущая небольшой, но приятный страх в животе и легкую влюблен-

ность в Кристофа, уже тихонько развеивающуюся по ветру. Напротив старики и разгоряченные азартом мужчины играли в карты за специальными столиками, другие передвигали огромные шахматы, по колено высотой, и воздух казался зыбким и нежным, его можно было собирать в банки, чтобы потом хранить целый год, как советовал грустный весельчак Брэдбери. Ей хотелось петь.

На следующей неделе она уже сидела в темном кабинете с тяжелыми красными шторами и скрипящими половицами, где проходило ежемесячное собрание комитета киноклуба. Комната напоминала ей покои какого-то немецкого готического замка – казалось, за окном поджидают страшные существа из сказок братьев Гримм. Именно таким, в ее представлении, должно было быть логово киноманов.

Ева пришла одной из первых, и теперь с замиранием сердца ждала появления остальных. Какими они будут? Надменными, важными, серьезными, или наоборот дружелюбными и легкими на подъем? Примут ли они ее или для этого существует свод негласных правил и проверок, типичных для закрытого общества? На ум сразу пришло множество фильмов, в котором новичков всячески травили, прежде чем те становились своими.

В комнату влетел высокий черноволосый парень в голубом свитере, подслеповато щурящийся на мир из-под толстых очков. Со смесью страха и радости Ева поняла, что он направляется к ней. Она и не думала, что все будет так

просто – не то, что на университетских занятиях, где никто не обращал на нее внимания, когда она всюду ждала, что ее заметят просто потому, что она – это она.

– Привет! Как тебя зовут, откуда ты? – шумно выпалил он, слегка заикаясь. Улыбка у него было кривоватая, но очень добрая.

Они немного поговорили. Новый знакомый много жестикулировал, что вместе с особенной манерой тянуть гласные, с потрохами выдавало в нем итальянца. Однако он обижался, если собеседники тут же догадывались об этом. Хотя любому человеку, услышавшему протяжное «alooora»²⁷, вместо краткого «alors» уже не приходилось гадать, откуда он. Его звали Пьетро, он весь искрился и кипел энергией. Ему недавно исполнилось тридцать, хотя выглядел он значительно моложе. Ева бы никогда не догадалась, не скажи он ей об этом с легким смущением. Он давно окончил университет со степенью магистра по английской литературе.

– Это же то, о чем я мечтаю! – невольно выдохнула она, преисполнившись уважения к человеку, выбравшему путь, предназначенный ей.

Он показался ей лучшим человеком на свете, когда не спросил почему же тогда она учит право. Она всегда знала, что творческие люди не следуют очевидной логике диалога. Эта почти неизбежная мина не взорвалась под его ногами.

²⁷ Итак (итал.)

Пьетро, как и многие, кто видел ее впервые, удивился, что она из России. Многим казалось, что в ней есть что-то южное, хотя родилась она на севере, и волосы были оттенка меда. За кого ее только не принимали: за испанку, итальянку, француженку, даже англичанку – словом, за Шаганэ, но почти никогда за русскую. Еву одновременно радовала и огорчала загадка собственной внешности. Радовала – потому что можно было притвориться кем угодно, примерить иные роли, огорчало – потому что она гордилась своими корнями и ни за что не хотела бы иметь другое прошлое, другую судьбу. Она сама могла кому угодно рассказать о севере и колыхании ржи.

Вскоре им пришлось прервать разговор, потому что кабинет постепенно заполнился, но они оба знали, что продолжение обязательно последует. Пришедшие члены клуба напоминали рыцарей круглого стола – разве что стол был овальный. Они важно глядели друг на друга, словно собирались прямо сейчас вершить судьбы человечества. Некоторые с любопытством смотрели на нее.

В этот раз Кристоф не показался ей таким особенным, в нем было что-то чрезмерное, по-кошачьи вкрадчивое, почти как в Иудушке из повести Салтыкова-Щедрина. К тому же, оказалось, что он не самый главный – во главе стола воцарился лысый мужчина в очках и темно-синем вязаном свитере с цветочным, слишком нежным для него именем Амбруаз. Она почему-то чувствовала себя уязвимой под его

ироничным взглядом. Ей показалось, что он ничто и никого не воспринимает всерьез. Он тут же представил Еве членов клуба, среди которых были не только студенты, но и вполне взрослые и состоявшиеся люди, и попросил ее представить-ся самой.

– Меня зовут Ева, – начала она прерывающимся голосом, решив использовать самые совершенные грамматические конструкции, чтобы впечатлить их, – и я люблю кино. Летом я могу смотреть до четырех фильмов в день... Мне кажется, это хороший показатель.

Она и сама не знала, почему рассказала именно об этом, теперь это казалось глупым. Пыталась понять, что думают о ее скромном выступлении эти серьезные люди, авторы невероятно интеллектуальных рецензий, глядя на их лица, но они оставались непроницаемыми, как завеса октябрьского тумана. Она заметила лишь пару хилых улыбок.

Амбруаз тоже несколько снисходительно улыбнулся ей («как неразумному ребенку» – подумала она с досадой) и начал собрание.

Все проходило не совсем так, как она представляла, и она дала себе зарок впредь не романтизировать события, пока они не произойдут на самом деле. Она думала, что их работа состоит в том, чтобы говорить о кино, но подавляющую часть времени обсуждались события прошлой недели и организационные вопросы, вроде пропуска людей в зал или проблем с оборудованием, и она даже немного заскучала. Гово-

рившие много иронизировали, используя какие-то узкоспециализированные шутки, поднимая покров общих воспоминаний и происшествий. То и дело раздавались взрывы смеха, но, как и в случае с занятиями по истории права, Ева в половине случаев не понимала сути шутки, скрывавшейся в тонкостях языка, как росток цветка под землей. Ей казалось, что в любую секунду ее могут спросить о чем-то, а она не сможет ответить. Она словно попала на пьесу со второго акта и не нашла программку с кратким содержанием первого.

– Жульен, надо было лучше проверить пленку в тот раз, я заметил легкие затемнения в верхнем углу.

– Для следующего цикла надо выкупить более грамотные субтитры. Ты видел, как они написали слово «амбивалентный»?

– Зато Мария сказала, что в этот раз больше не споткнется об эту чертову ступеньку, хотя в тот раз это было смешно! Лицо критика в первом ряду...

– Пьетро, ты согласен вступить в команду работающих над новым циклом? Нам нужен твой зоркий глаз.

Несмотря на все сложности, здесь она не чувствовала себя совсем чужой, как это было среди начинающих юристов – ведь людей, окружавших ее волновали те же темы, их вдохновляла та же неуловимая магия кино, покрытая тонким слоем золотой пыли аллюзий и загадок. Даже если пока им сложно оценить ее по достоинству, потому что она никак не успела себя проявить, потом они увидят, что она тоже человек

эрудированный и интересный. В идеальном мире они бы поняли это с первого взгляда, и ей бы не пришлось ничего доказывать, но вряд ли такой мир когда-либо будет существовать. Всегда приходится приложить силы, чтобы впечатлить кого-то.

Они уже начинали планировать следующий цикл картин, связанных со спортом. Они делали это неохотно, потому что считали, что все фильмы о спорте похожи друг на друга – приземленные, слишком коммерческие. Тем не менее, недостатка в предложениях не было: все наперебой советовали драмы, биографии и документальные ленты, названий которых она часто не знала. А ведь до этого она считала, что прекрасно разбирается в кино. И все же она рискнула внести свою лепту. Ева бережно достала с полок памяти один фильм, который мог бы показаться им достаточно интересным, и рассказала о нем парой цветистых, отрепетированных заранее фраз, тем более что тема альпинизма по-настоящему будоражила ее. В этом фильме два брата во времена Гитлера участвовали в альпинистском соревновании на Северной стене²⁸. Естественно, ничем хорошим это кончиться не могло.

Еву восхищала смелость людей, готовых на все, даже на смерть, только ради того, чтобы увидеть острый рожок вершины, спрятанной в обманчиво спокойных облаках, и хотя бы на секунду поддаться иллюзии собственного величия,

²⁸ Имеется в виду фильм «Северная стена» (2008)

равного мощи и совершенству природы. Родись она мужчиной – возможно и ее бы позвала за собой жажда странствий, не скованная женской хрупкостью и нерешительностью. Пыльная лента дороги, флер случайных знакомств и хмельной привкус неизвестности. Недаром ее привлекала проза певца битников Керуака, нескончаемая бензедриновая повесть его жизни, вылившаяся в такие похожие, но все же разные по настроению книги, в каждой из которых сердцем повествования становился только он сам и его друзья.

В конце собрания Амбруаз раздал всем листовки и афиши, которые нужно было всучить как можно большему количеству друзей и знакомых, что невольно напомнило Еве, что круг ее возможностей в данном вопросе чудовищно ограничен. Позже она повесила одну из афиш над своей кроватью, ведь она принесла ей удачу. И ничего, что Амбруаз был бы недоволен. К тому же, она не думала, что ее университетской компании будет интересно подобное кино, потому что когда она пыталась завести с ними тему о любимых фильмах, все, что они смогли вспомнить – это мультики от Диснея и серии о супергероях.

У нее и самой изредка возникало желание полечиться чем-нибудь легким и ни к чему не обязывающим после тяжелых книг и глубоко проникающих в сердце картин, но чаще всего ей хотелось приобщаться к возвышенному, достойному. К тому, что не стыдно любить, не позорно называть вслух. Она допускала, что слишком много думает о том, что

о ней подумают другие, что лукавит, хочет казаться серьезнее и значительнее, чем она есть, но этот элемент неосознанной актерской игры был неотъемлемой составляющей ее личности, так же как тяжелый шаг, на который иногда жаловались соседи снизу, или привычка поджимать губы в стремлении скрыть свои истинные эмоции.

Она с нетерпением ждала своего первого киносеанса, тем более он должен был проходить в особенной обстановке – его обещала посетить актриса, игравшая в фильме, та самая девушка с постера. Ева, с присущей ей эмпатией, думала о том, каково Ирен Жакоб будет смотреть на себя, молодую и непосредственную, двадцать с лишним лет спустя. Насколько может быть грустно следить за ускользающим призраком собственной юности, навеки запертой на пленке. Она сама часто думала, что боится старения едва ли не больше смерти. С ранних лет ей легко удавалось перескочить через фантомы десятилетий и представить себя старухой, листающей дневники времен воздушного семнадцатилетия, когда согласно Рембо²⁹ «серьезность была не к лицу», и «июньскими ночами дышалось легко».

Почему так сложно заставить себя жить в моменте, не заполняя хрупкие хранилища мозга мыслями о том, как будет потом, в далеком будущем? Чувствовать собственный вес, твердый монолит земли под ногами и связь между ними, слаженную координацию мышц и движений, и полно-

²⁹ Французский поэт 19-го века

стью осознавать, что состоишь из плоти и крови, что помимо метафизики в тебе есть физика, не менее прекрасная в своей прямолинейной естественности. Не так легко чувствовать себя полностью, непридуманно живым, а не просто персонажем написанной кем-то книги. Некоторым за всю жизнь так и не удастся научиться этому. Возможно, даже стоило бы внести предмет по развитию умения наслаждаться моментом в школьную программу.

В вечер показа Ева решила выглядеть соответственно своему настроению: надела маленькое черное платье, нанесла на шею капли невыносимо тяжелых и сладких по мнению ее мамы, но таких любимых ею духов, и вышла из дома прямо в сиренево-душистое зарево октябрьских сумерек. Облака плыли цикламеновыми гроздьями винограда, и она пыталась запомнить их причудливые формы, чтобы потом написать о них стихотворение.

Она еле отыскала нужное здание – оно казалось совсем неприметным рядом с мерцающей красной вывеской ночного клуба «Мулен Руж». Кинотеатр, по понедельникам входивший в ведомство киноклуба, снаружи казался гораздо меньше, чем был внутри – его трехъярусная открытая конструкция с бархатными алыми сидениями напоминала кулисы нуарного фильма. В такую обстановку так и просились роковые женщины и закулисные интриги. В кинотеатре никогда не продавали попкорн или прохладительные напитки – согласно уставу киноклуба, это оскорбляло саму суть кино.

Позже, исследуя его стены, Ева нашла цитату Экзюпери, нарисованную готическим шрифтом: «L’homme est maître de cette terre pour servir des hommes»³⁰.

В холле кинотеатра яблоку негде было упасть. Она видела компании галдящих студентов, длинноволосых парней, похожих на сбежавших из прошлого хиппи, пожилые супружеские пары и серьезных мужчин с портфелями. Ей пришлось пережить пару неприятных минут на кассе, когда она пыталась объяснить девушке, что может пройти бесплатно как новый член комитета, а та не могла найти ее имя в списке. Еву спас Кристоф, как волшебник, вынырнувший из лиловых кулис зала.

– Тебя еще просто не успели внести в список, – ободряюще улыбнулся он и тут же ушел помогать с оборудованием.

Ева надеялась, что сможет сесть со знакомыми из комитета, тем самым скрепив тончайшую нить едва начатого знакомства. Она искала взглядом долговязого Пьетро, но зал был почти полон и разглядеть кого-то не представлялось возможным. Лиц других она пока не запомнила, так что просто поспешила занять свободное место в третьем ряду, между полным мужчиной в мятом костюме и рыжеволосой девушкой, хихикающей с подружкой. Она уже настроилась на то, что так ни с кем и не познакомится, и даже общительный итальянец больше не будет искать ее компании. Видимо, ей только показалось, что у них много общего.

³⁰ «Человек послан на землю, чтобы служить другим людям» (фр.)

Кристоф произнес вступительную речь, напомнив зрителям о том, что после фильма состоится беседа с главной актрисой фильма и фуршет. Свет погас, погрузив зал в загадочную тьму, напоминающую кобальтовые глубины шатра гадалки. Еву с первых же кадров поразило то, настолько точно фильм соответствовал ее душевному состоянию, сколько там было параллелей с ее жизнью, воплощенных в историях разных персонажей. Как и главная героиня Валентина, она тоже училась в Женевском университете, тоже знала одиночество. Как ее сосед Огюст, изучала право, правда без приущения. Как отставной судья, сыгранный Третьяком³¹, любила наблюдать за людьми, и представься ей такая возможность, тоже нашла бы в себе смелость подслушивать телефонные разговоры. В конце концов, это не так сильно отличалось от того, чем она занималась на улицах, в кафе и автобусах, воруя крохотные сдобные ломтики чужих жизней.

Также Еву приятно порадовало то, как в фильме Кесльевского была изображена Женева, которая крайне редко становилась съемочной площадкой, вдохновляющей режиссеров. Она с любовью и узнаванием разглядывала тесные улочки, змеевидный подъем на холм, ведущий в Колони, где жил судья, очищенную серебряную монету озера, здание суда и Национального музея. Возмущала ее и тема неопределенных отношений между трогательной юной Валентиной и пожи-

³¹ Жан-Луи Третьяк – французский актёр, режиссёр и сценарист

лым, желчным судьей, колеблющихся между дружбой, последними мягкими вспышками любви и чем-то отцовско-до черным.

Это заставило ее вспомнить о том, что надо бы позвонить отцу, внимания которого ей часто не хватало, даже если она никогда не признавалась себе или ему в этом. Он жил в другом городе, далеко от Москвы и созванивались они только по праздникам. Даже когда она приезжала домой, ей не хватало времени слетать к нему. Она в очередной раз подумала о том, что нас задевают только те книги и фильмы, в которых мы находим хотя бы слабую тень собственного отражения.

На финальных титрах, после того как всех героев трилогии объединил один несчастно-счастливый случай, Ева даже немного прослезилась. Как всегда бывает после хорошего фильма, свет, прорвавшийся в напоенную мечтами темноту зала, раздражал, казался невежливым собеседником, перебивающим на полуслове. Внешний мир после хорошего фильма казался оскорбительной подделкой, склеенной наспех.

После отзвучавших аплодисментов на сцену взошла Ирен Жакоб, достигшая возраста матери своей героини, но не потерявшая своего мягкого французского обаяния. Худенькая, с мальчишеской фигурой и растрепанными каштановыми волосами – со спины ее все еще можно было принять за подростка. Свитер амарантового цвета и ни капли косметики.

Вслед за ней, к удивлению Евы, на сцене появился тот

самый светловолосый парень, который перевел ей цитату на латыни со стены реформации. В этот раз на нем были очки, придававшие ему вид ученого. Ей показалось, что он быстро взглянул на нее, но она списала это на игру воображения. Порой кажется, что все на тебя смотрят и что-то о тебе говорят, а на деле ты даже не являешься темой, достойной внимания. Однако она верила, что лучше пусть о тебе говорят плохо, чем никак.

Кристоф дал им микрофон, и полился разговор, похожий на одну из тех уютных бесед с новым знакомым, который кажется давно забытым другом. Парень задавал Ирен очень длинные и сложные вопросы, присыпанные пудрой цитат. Она иногда переспрашивала, что он имел в виду, смеялась, задумчиво хмурилась, говорила о том времени, когда сама жила в Женеве, о работе с режиссером, для которого этот фильм стал последним.

– Он никогда не давил, как это делали другие режиссеры. Но в то же время контролировал все процессы на съемочной площадке: наводил свет, проверял работу суфлеров, иногда мог сам влезть в кадр во время съемки – неожиданно, откуда-то снизу, из-под прожектора – и подсказать нужную эмоцию одними только гримасами... Он волновался, что мы переутомимся, но сам мог задержать нас до самого утра...

– Именно это придавало его работам эллинистический оттенок неотвратимости бытия, завуалированный в наших повседневных жестах, – серьезно кивал блондин.

Ева незаметно оглянулась на соседей, чтобы проверить поняли ли они, что он хотел этим сказать, но их лица оставались невозмутимыми.

Голос знакомого незнакомца убаюкивал, как грустные русские колыбельные. Незаметно они с Ирен пустились в более интимные дебри рассуждений о любимых книгах, повлиявших на желание стать актрисой фильмам, детстве и юности Жакоб. Всем в зале казалось, что она обращается не только к интервьюеру, но и к каждому из них, будто диалог связывал всех невидимой пряжей сопричастности. Ева испытала легкое чувство разочарования, когда Ирен сообщила о том, что ей пора уходить. Это напоминало резкое пробуждение после приятного сна.

Поток покидающих зал людей случайно соединил ее со златовласым знакомым. Он держал руки в карманах и едва слышно насвистывал. Первым делом почему-то она обратила внимание на его дьявольски прямой нос и только потом впервые окунулась в тростниковую зелень его глаз. Очки уже куда-то исчезли, словно он их стыдился, как дети, которых дразнят в начальной школе. Он серьезно, без улыбки посмотрел на нее и спросил как ей интервью.

– Очень живо, мне понравились вопросы, которые ты задавал, – ободрила его Ева, не чувствуя привычной скованности, – такие умные. Правда, некоторые слова были даже слишком умными...

Он махнул рукой чуть ли не с досадой, а потом все же

улыбнулся. Она заметила какое-то пятно на внутренней стороне его ладони, похожее на ожог.

– Это все Ирен, она невероятная, – он немного помолчал, словно давая ей время осознать его слова, попробовать их на вкус. – Говорят, ты теперь одна из нас? Я не успел прийти на прошлое собрание.

Вблизи его голос оказался еще более размеренным и мелодичным, почти флегматичным. У Евы было немного опыта общения с флегматиками, обычно они усыпляли ее. Вся ее меланхолично-холерическая сущность бунтовала против анабиоза этого психотипа. Но сейчас эта медлительность почему-то приятно успокаивала.

– Кто говорит? – смутилась она.

– Пьетро. Он мой старый друг, – пояснил парень и наконец-то протянул ей руку, – а я Карлос.

– Ева. Честно говоря, ты не похож на испанца, – она выразительно посмотрела на его волосы цвета взбитого масла.

– Просто моя мать была шведкой, – усмехнулся Карлос, – но родился и жил я в Венесуэле. – Обычно я говорю новым знакомым, что это север Южной Америки и они путаются. Север и юг одновременно, понимаешь?

Говорил он почти без акцента, так что его вполне можно было принять за местного. Она сказала ему об этом, и он признал, что много работал над произношением.

– Иначе швейцарцы просто не принимают тебя всерьез.

– Так их здесь почти и нет, – возразила она с улыбкой.

– Там, где я работаю, почему-то предельная концентрация швейцарцев. Будто они сбежались туда со всей страны.

Они как раз выбрались из зала и стояли под большим светящимся желто-зеленым рекламным экраном в холле. Она успела увидеть афишу, посвященную какому-то русскому пианисту.

– Ты ведь русская? Я просто обожаю русских писателей, – неожиданно выпалил парень, и глаза его загорелись огнем, знакомым каждому книголюбу. – Я читал Толстого, Достоевского, Булгакова... Но особенно близок мне Тарковский, и отец, и сын. Ты только послушай это стихотворение! – воскликнул он, закрыл глаза и начал декламировать нараспев, проговаривая каждое слово и выдерживая необходимые паузы:

Я человек, я посредине мира,
За мною – мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега, связующие море,
Два космоса соединивший мост.
Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия,
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляню, как нищий царь.
Я больше мертвецов о смерти знаю,

Я из живого самое живое.

И – Боже мой! – какой-то мотылек,

Как девочка, смеется надо мною,

Как золотого шелка лоскуток

– Меня поражает эта фраза про мотылька, – добавил он, закончив. – Представляешь, он столько знает, а над ним смеется мотылек...

Так Ева почувствовала, что наконец попала куда надо, нащупала дорогу во тьме наугад, вышла из лабиринта Минотавра. Она встречала не так много людей, способных прийти в восторг от стихотворной строки, и тут же поняла, что такого друга упускать нельзя. Мосты над широкой рекой ее одиночества налаживались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.